

Из книги М.С. Горбачева «Жизнь и реформы»

«Лигачев был прав, сказав на заседании Политбюро: “XXVII съезд ответил на вопрос, что произошло, а январский Пленум почему это произошло”. **Было положено начало фронтальному анализу пути, пройденного страной, провозглашен курс на демократизацию.**

На Пленуме из записавшихся 77 человек выступили 34. Ни один не обошел критики бюрократизма, все были, как говорится, двумя руками за демократизацию.

И все-таки Пленум, резко отличавшийся от предшествующих по раскованной атмосфере дискуссии, в главном вопросе остался на старых позициях – **никто не покусился поставить под сомнение правомерность монополии партии на назначение кадров. Как совместить свободные выборы с механизмом номенклатуры эту тему ораторы предпочли обойти.**

Январский Пленум 1987 года запомнился еще и тем, что на нем **впервые выплеснулись наружу противоречия по вопросу о гласности. Дискуссия на эту тему началась, по сути, с самого начала прений**, когда Полозков, сказав “что положено” по докладу, продолжил:

– Чем зачитывается сегодня молодежь? От каких произведений в восторге обыватель? “Пожар”, “Плаха”, “Печальный детектив” и т. п. То же самое в театрах. Как и в периодической печати, остро вскрываются наши болячки. Но как бы душу при этом не опустошить!.. Метод отрицания в отражении действительности стал чуть ли не единственным, а надо же утверждать идеалы! Не пора ли нам в этом деле основательно разобраться?

Для меня было совершенно неожиданным услышать от Валентины Голубевой, ткачихи, дважды Героя Социалистического Труда: “Я считаю, что пора голой критики и проверок ради фиксации недостатков слишком затянулась. Нам надо твердо, четко отличать заинтересованную конструктивную критику от пустопорожного, а иногда прямо-таки злобного критиканства... Идет смакование недостатков, мало освещается

положительного опыта. Во всем должна быть мера. Есть опасность оказаться в противоположной крайности”.

Это были тревожные признаки того, что партийная верхушка не станет безропотно мириться с потерей возможности по своему стандарту и к своей выгоде формировать духовную жизнь общества. **Гласность, как и следовало ожидать, становилась первым полем борьбы за свободу. И на Пленуме нашлись люди, “поднявшие перчатку”.**

Сильней всех, на мой взгляд, выступил знаменитый наш артист Михаил Ульянов.

– Вводится в нашу общественную человеческую жизнь самое главное – гласность, демократизм, самоуправляемость. Я думаю, эти три кита, если не будем их округлять, припомаживать, прилаживать к себе, могут вытянуть огромные проблемы сегодняшнего дня нашего народа и партии. Гласность – непричесанная и неприглаженная, демократизм сверху и донизу, самоуправляемость, в которой участвует народ. Время винтиков прошло, и это прекрасно. Пришло время народа, который сам управляет своим государством.

Доклад Михаила Сергеевича поразительного мужества. Сказано прямо, что проблем у нас огромное количество, что перестройка идет туго, трудно, не так, как мы ожидали. Вот эта правда партийная. Что же, об этом не писать? Или писать, что у нас все хорошо? Бояться кого-то обидеть? Уже было. И мне кажется, скромные вроде бы намеки – не очень ли газетчики размазались, не нужно ли их немного поприжать – очень опасны...

Пленум одобрил доклад, согласился с нашими оценками причин кризиса, в котором страна оказалась на рубеже 1970-1980 годов, поддержал идею демократизации, высказался в поддержку предложения о проведении Всесоюзной партийной конференции.

И в то же время стало ясно, что многие члены ЦК не готовы к тому повороту, который закладывался докладом. Чего же тогда можно было

ожидать от работников партийных органов, от всей многочисленной номенклатуры?

Вероятно, историки будут оценивать рубеж 1986-1987 годов как первый серьезный кризис перестройки. И будут правы. Мы ощущали “подземные толчки”, хотя общество жило ожиданием благих и скорых перемен, не предчувствовало еще, какие катаклизмы несет будущее, какими трудностями и горем обернутся для людей упорное сопротивление ретроградов и агрессивность радикалов.

Менялась жизненная атмосфера, будто широко распахнулись окна в душевной комнате и повеяло свежим ветром. Настроение это отразилось, между прочим, даже в песнях. Я обратил внимание, что с одинаковым названием “Свежий ветер” появились две песни. Одна принадлежала Олегу Газманову и пользовалась широкой популярностью, особенно у молодежи. Позднее она послужила музыкальной заставкой к документальному фильму о первом Президенте СССР.

Поле, поле, поле свежий ветер пролетал,

В поле свежий ветер, я давно о нем мечтал!

Авторы второй песни – П. Аедоницкий и А. Ковалев. Многие знали поэта Ковалева и дипломата Ковалева, заместителя министра иностранных дел. Но немногим было известно, что это один и тот же человек. У текста песни своя история. В 1976 году Анатолий Гаврилович был избран делегатом XXV съезда партии от Ставропольской партийной организации, познакомился с моими земляками, которые произвели на него большое впечатление своей теплотой и открытостью. Особенно запомнилось ему, что встречи друзей там всегда завершались тостом: “Быть добру!” И вот много лет спустя он использовал эти слова как ощущение перестройки, обновления:

Если дует свежий ветер,

Это значит – быть добру!

Горбачев М.С. «Жизнь и реформы». Кн. 1. С. 310-312.